

КРИСТИНА РОЙ

Вернулся домой

СВЕТ НА
ВОСТОКЕ

УДК 82-31:27-28
ББК 84(4Сла)-44
Р65

Перевод со словацкого

Kristína Royová
«Šťastní ľudia»

Рой К.

Р65 Вернулся домой / Пер. со словац. О. Сакун — СПб.: «Свет на Востоке», 2004. — 64 с.: ил.
ISBN 5-93829-028-7.

В повести, написанной почти полтора столетия назад, обсуждается одна из актуальнейших для сегодняшнего времени тем — тема эмиграции. Все дети старой жены лесника Бетушки Микулы уехали из родных словацких лесов в богатую, но чужую Америку. Неожиданно к бабушке приезжает погостить один из внуков — и уже не может расстаться с родными лесами, которые не только исцелили его израненную душу, но и помогли найти путь к своей небесной родине. Так Йозеф Микула во всех смыслах вернулся домой.

УДК 82-31:27-28
ББК 84(4Сла)-44

Изд. № 01.427

ISBN 5-93829-028-7

© МРО «ХМ “Свет на Востоке”», 2004

Да, у нас в Словакии такие леса, что кажется, будто нет им конца и края. Переходишь через поросший лесом бугор, за ним — глубокая долина, и снова бугор, и снова долина, и так тянутся они справа и слева, сменяя друг друга.

И до того красиво в этих лесах — даже не знаешь, на чем задержать взгляд. Каждое дерево и каждый кустик расположились на краю обочины так, что в другом месте их и представить себе невозможно. Большие деревья устремились ввысь, к солнцу, распростерли широкие кроны, словно охраняя от ураганов меньших своих

собратьев. Вот уж воистину — прекрасно все то, что находится на своем месте.

Ах, как хорошо в наших лесах! Если хочется побыть одному, можно идти часами, не встретив ни одного человека, который обратился бы к тебе с недобрый словом или посмотрел враждебным взглядом. Над головой, когда ветерок шевелит ветви и кроны, деревья играют какую-то дивную мелодию, а под ногами поют ручейки — и долина отзывается тогда пением птиц, жужжанием шмелей и остального мелкого крылатого сброда.

Тебе хочется отдохнуть? Взгляни, какие мягкие постели выстелены мшистыми перинами! Да, эти леса похожи на прекрасную волшебную сказку везде, где их еще немилосердно не повырубали. Ах, если бы люди могли понимать язык деревьев! Тогда, услышав их истории, они наверняка отказались бы от этого промысла. Вот я и хочу рассказать тебе хотя бы немного из того, о чем прошелестели мне наши леса, когда я еще могла по ним ходить.

Поведали они мне однажды о бабушке Микуловой и о ее детях.

Вроде бы жила она с четырнадцати лет под Плешивцем, в последнем домишке Лазовско-

го хутора, недалеко от делянки. Домик стоял на этом месте уже больше ста лет, с тех пор как его построил старый Матей Микула для своего первенца, чтобы тому, когда он станет лесником, было поближе к лесу. На самом деле от востока к западу тянулись тогда необозримые ряды старых крепких деревьев, словно огромное войско, которое все полегло в неравном бою незадолго до того, как бабушка Микулова переехала под Плешивец. Теперь, когда бабушкины волосы стали похожи на снег, порой до самого августа лежащий в углублениях и на обочинах, делянка заросла редким молодым лесом и дикими зарослями малины с ежевикой, а лужайка покрылась земляникой и таким роскошным цветочным ковром, что его великолепие, как говаривал Сын Божий, не может сравниться и с Соломоновым одеянием.

Так вот, домик Микуловых стоял на своем месте все это время, будто он был вечным. Его густо поросшая мхом и почти упирающаяся в холм крыша давно уже держалась лишь благодаря ветхим дверным косякам, а к крыльцу притулилась такая же старая, ветвистая и узловатая груша. Домик глядел в лес двумя маленькими окошками, подслеповатыми, словно глаза старика.

Перед домиком была крашенная лавочка. Видать, сделали ее из добротного дерева — ведь на ней бабушка сживала, еще будучи молодой и красивой женщиной, а на коленях у нее играли сперва дети, а потом и внучата. Когда-то и возле домика, и внутри него кипела жизнь. Часто люди, приходившие к леснику по делу — лесничество у Микуловых переходило по наследству от отца к сыну, — говорили: «Как же вы, люди, там помещаетесь? У вас ведь даже усесться всем вместе негде!»

Но они помещались — ни дать ни взять цыплята, которых может быть пара десятков и все под крылышком у квочки сидят. А какие выросли в этом домике молодцы — словно розмариновые цветы, а девушки — что твои лесные лилии! Парни и девушки ходили за ними толпой. Не знаю, правда это или нет, но все Микулы брали за себя красивых жен. И бабушка была настоящей красавицей. Но кроме красоты Микула ничего за ней не взял, хотя до самой смерти ни разу об этом не пожалел. Он знал, что люди могли бы ему только позавидовать — ведь никто не мог сравниться красотой с Бетушкой Микуловой. Да, бывало здесь весело, бывало и многолюдно, однако все на свете проходит... Дети выросли и

разъехались кто куда: дочери к мужьям, сыновья на работу — никто из них не возвратился домой. Наконец снесли и старого лесника Микулу в деревню. Сопровождало его в этом пути великое шествие, но назад к бабушке он уже не вернулся; осталась она одна.

Потом вспыхнула среди людей болезнь, которой не знали в Словакии доселе. Забирала она всякого у его близких, унесла и самую младшую дочь Микуловой Аничку вместе с мужем. И детей они взяли с собой, только оставили бабушке самого слабого, чтобы ей было чем утешиться. Бабушка воспитала внучку, которая теперь стала для нее и в добрую помощь, и в радость.

Она не смогла отправить ее в школу, до которой было четыре часа ходьбы, но сама учила читать и писать. Хотя бабушка происходила из деревни, отец ее был человек грамотный. Он обучил потомство письму, и она передала это умение детям и внукам — маленькая Зузанка оказалась особенно способной ученицей. Девочка родилась слабенькой, ходить начала поздно и до десяти лет быстро уставала: пройдет небольшой отрезок дороги — потом несколько часов отдыхает. А у бабушки не хватало денег даже на обувь и одежду для нее.

Но когда Зузанке исполнилось двенадцать лет, бабушка отослала ее к своей племяннице в деревню. Девочка целую зиму ходила в школу и на катехизис, а после конфирмации вернулась домой, успев за это время сильно соскучиться по бабушке.

Микулова в молодости хорошо вышивала — даже из дальних деревень женщины приносили ей рубашки. Она и внучку научила этому искусству, но тут оказалось, как это часто бывает, что ученица превзошла наставницу. Девочка вышивала необыкновенно, словно рисовала иглой. Умела она и прясть, хотя нитка у нее выходила совсем тоненькая, а в лесу знала каждое растение, стоило только бабушке один раз его назвать.

В общем, бабушка с внучкой теперь неплохо заботились друг о друге. Зузанка вышивала, старушка присматривала за тремя овечками, козочкой, несколькими курочками да уточкой (ведь до ручья было рукой подать). Лес их постоянно чем-нибудь одаривал: травами и кореньями, которые бабушка высушивала, а женщины выменивали у нее кто на муку, кто на продукты; земляникой, малиной, грибами — редко или часто, но все это встречалось. Небольшой садик возле домика, хорошо укрытый от ветра, каждый год

приносил плоды, так что Микуловы на целую зиму запасались свежими и сушеными фруктами. В минувшем году, когда нигде больше фрукты не уродились, они целиком оделись и обулись благодаря вырученному за груши и яблоки.

Бабушка, как только находила время, потихоньку пряла — хотела наготовить для внучки полотна, чтобы та не осталась без приданого, когда в один прекрасный день придется закрыть глаза. И две красивые подушки ей к свадьбе уже приготовила. Когда они вместе сиживали на улице, бабушка охотно рассказывала девочке о своей юности и о том, как они с ее дедушкой жили в любви и согласии. Временами, желая похвалить внучку, она говорила:

— Девочка моя, сразу видно, что ты внучка Микулова, — за что ни возьмешься, все у тебя спорится. Вот и он был таким же. Все, ну просто все ему удавалось! Глядишь — напярл, наткал шерсти не хуже ткача какого-нибудь, хотя никто его этому ремеслу не учил. И себе, и ребятам сукно на одежду всегда сам делал, а носилось это дольше, чем то, в чем нынче парни ходят. Не успеют надеть — уже локти да коленки наружу. У меня еще сохранилась штука того сукна — он принес ее из валяльной мастерской как раз перед

тем, как болезнь свалила его. Не раз хотела я отнести сукно на продажу, но не могу решиться. Ведь он, бедный, так над ним трудился, а чужим что же — его мозоли почитай даром теперь достанутся! Вот только не знаю, чего еще ждать-то?..

— Бабушка, а почему вы не продадите одежду, что осталась после моего отца? Если он уже не собирается возвращаться, то я ее в жизни носить не стану!

— Жалко мне: она совсем новая, он только пару раз надел ее в церковь, а купил тоже у дедушки, из нашего сукна. Но я почему-то думаю, что кто-нибудь из них еще вернется. Не знаю, наденут ли они ее, раз они все уже господами стали — и твой отец, и дядья с братьями... Только мне кажется, что они больше были подобны образу Божьему в этой отцовской одежде, чем в заграничном платье. Внуки, которые выросли там с малых лет, уже умеют его носить, но детям-то как должно быть не по себе в этих накрахмаленных рубашках! Ну да это уж кому что нравится...

— Бабушка, а кто раньше всех уехал в Америку?

— Наш старший, Матей, а потом он за собой и остальных увлек... — Старая Микулова задума-

лась, и словно тучка набежала на ее обычно добродушное лицо. А затем, как будто возражая сама себе, вздохнула: — Так-то оно так, везде земля Божья, но я иногда думаю: Господь Бог насадил столько деревьев в одном лесу, сколько земля способна напитать, чтобы не высохли, и, стало быть, поселил столько людей в одной стране, сколько эта страна выкормит. Почему же они с места на место кочуют? В этом ли воля Божья? Мне это так видится: мать делит детям хлеб, а они начинают измерять горбушки и ломти, выбирая самые большие, вместо того чтобы доверять матери, которая лучше знает, кому сколько дать. Почему мы в отцовской земле выжили, а дети наши не могут? Что времена злые, как были когда-то, это неправда. Нынче, когда я наполняю корзинку фруктами и грибами или кладу туда птицу, я отношу на рынок в три раза больше, чем относила раньше. Мы продавали по шесть-семь яиц за двадцать геллеров¹, а нынешней зимой я купила два за крону¹. Пара цыплят, причем крупных, была по тридцать крейцеров², а сегодня один маленький стоит пятьдесят. Или вот земляника — когда я продавала в молодости большую чашку за восемь крейцеров, то мне этого только на соль хватало, а сегодня я могу за ту же плошку просить по меньшей мере

тридцать. И так со всем остальным. Никогда у людей не было столько денег, сколько сейчас, но почему-то все причитают, что их нет. Был бы мир, будет и достаток. Вскормила бы эта земля своих детей, если бы они не бежали прочь. И самое печальное, что тот, кто уезжает, больше не хочет возвращаться назад.

Так бабушка время от времени жаловалась внучке, и после этого они снова продолжали жить спокойно и беспечно. Но однажды, в начале весны, пришло долгожданное письмо от детей из Америки. Было в нем всякое: хорошее, как это нередко случается, перемежалось плохим, и среди прочего сын Матей писал: *«...нашего Иосифа одолело желание поехать посмотреть на Вас, матушка. Не успеете оглянуться, как он будет в Плешивце. Мы рады этому, пусть немного рассеется. Сильной радости он Вам не доставит, как и нам не доставляет, а жаль. С некоторых пор он на себя не похож. Может быть, Вам, милая матушка, он скорее откроется, нежели нам. Здесь не так, как под родным Плешивцем. Я вспоминаю, как мы возле Вас собирались и каждый жаловался, а Вы кого нужно утешали, кого нужно наказывали. То мы Вам помогали, то работали вместе с батюшкой:*

всегда мы были у вас на глазах, а вы — у нас. А наша лесная свобода! Когда я думаю об этом (хоть мы и в Америке), мои дети кажутся мне невольниками. Да, здесь человек зарабатывает много, но многое проходит мимо. Я не один раз думал: ах, вот бы еще разок напиться воды из нашего колодца и еще раз взглянуть на Вас, матушка! Я уже хотел было послать Вам билет на пароход, чтобы Вы к нам приехали, а мы бы позаботились о Вас до конца жизни. Но когда я осматриваюсь вокруг, не могу этого сделать — Вы бы тут у нас умерли без родных лесов».

Наплакалась бабушка над этим письмом — несколько раз внучка должна была его перечитывать. При этом иногда вспоминали внука, который хотел приехать к бабушке и у которого ей надлежало спросить, что с ним произошло. Поместила его старушка с того момента и в свое сердце, и в молитву. Хотя в книжке такой молитвы не нашлось, старушка сама ее сочинила.

Бабушка любила Бога, говорила о Нем, что Он милостив, верила, что только Он о ней заботится и будет заботиться всегда. Иногда ей казалось, что о Нем нужно знать больше — с молодых лет она стремилась к этому. Но, состарившись и ни разу не встретив человека, которому было бы лучше от

этого Божьего знания, отложила момент познания истины до загробной жизни. Люди, живущие среди природы, не могут не ощущать Бога, окружившего их со всех сторон Своим прекрасным творением.

С тояли чудесные майские сумерки. Солнышко, готовясь к закату, заключило еще раз в свои объятия и огромный лес, и старый домишко, окруженный небольшой лужайкой, на которой паслись беленькие овечки. Но все его лучи словно сосредоточились у добродушного морщинистого лица старушки, стоявшей на тропинке и всматривавшейся в тенистые заросли.

Бабушка ждала внучку, которая ушла в церковь и что-то не возвращалась. Она не замечала ни уточек, приковылявших из загона и устремивших на нее свои голодные глазки, ни козочки, что отвязалась и встала рядом с хозяйкой. Даже беленькие длинноухие крольчата подобрались поближе и встали на задние лапки, но, напуганные пасущимися овечками, шумной стайкой ринулись назад, к домику. Над бабушкиной головой благоухала сладкая яблоня, покрытая розовыми цветками. В лесу тоже все пахло весной и жизнью: цветы, трава, земля, деревья, камни — все.

Но что же волновало душу того молодого парня, что стоял, прислонившись спиной к шершавому стволу дерева на опушке леса и разглядывал этот дивный мир? Молодой лесок на вырубке, казалось, хотел поклониться ему. Да, эти юные березки как будто приветствовали незнакомца, покачивая кудлатыми зелеными головами: «Здравствуй... Добро пожаловать... Давно ждем тебя...» На его бледном, несмотря на загар, лице отражались сильные чувства. Взгляд юноши переместился на обветшалый домик, который он смерил взглядом, словно прикидывая, можно ли пройти внутрь через такую низкую дверь. В этот момент бабушка внезапно обернулась, их взоры встретились... Ах, глаза у этой пожилой женщины были сколь старыми, столь же и добрыми! И никому не пришлось объяснять, кто этот молодой человек с таким красивым Микуловским лицом и худощавой, по-господски одетой фигурой.

— Йоженько, ты уже приехал?

Старушка потянулась к порывисто устремившемуся к ней юноше. И Йозеф Микула, которого там, за морем, давно уже не понимали ни отец, ни мать, — потому что на это не хватало времени — ощутил, как же отрадно, когда тебя

обнимают эти слабеющие руки, а добродушный старческий голос насквозь пронизывает ласковыми словами. Он почувствовал, что в ее пожилом сердце горит огонь, горячий огонь любви.

— А я вас все-таки нашел, бабушка! Но как же вы меня узнали?

— Как я тебя узнала? Ах, милый мой сынок, да ведь ты плоть от плоти нашей семьи! Если бы на тебе была здешняя одежда, никому бы и в голову не пришло, что ты не под Плешивцем вырос. Но скажи мне, как же ты добрался?

— Я иду прямо из города: купил себе карту и иду по ней. Так вот в конце концов и оказался здесь.

— Да? Ну, это хорошая вещь для тех, кто разбирается... Но ты, наверное, голоден, сынок. Пойдем скорее!

Он не стал скрывать, что проголодался. Когда они вошли в чистенькую, бедную горницу, он уселся за старый дубовый стол, за которым сживали и его дед, и прадед. Бабушка, словно молодая наседка, бегала из кухоньки в горницу, неся ему все, что оказалось под рукой. Черный хлеб, свежее козье молоко, наскоро испеченные на углях яйца и, наконец, ключевая вода — та самая, по которой его отец так тосковал у себя

на чужбине. Йозеф положил голову на ладони, и его душу наполнило такое странное, до сих пор не изведенное чувство. Всем сердцем, всем своим существом он ощутил, что пришел домой.

Люди очень удивлялись, что у бабушки в гостях внук из Америки. Они бы охотно разузнали, почему он приехал да как надолго задержится. Но Йозеф, хотя и не был гордецом и приветливо отвечал на вопросы обо всем, что касалось Америки, о себе все же ни словом не обмолвился. Ну, а поскольку он был таким молчаливым и к тому же чужаком, сами они не решались спросить.

Бабушка немного беспокоилась насчет того, как он будет себя чувствовать в этой халупе, которой побрезговали все ее дети. Он же остался совершенно доволен такой жизнью и решил устроиться на чердаке.

— Я вас не стесню, бабушка, — сказал ей. — Только не выгоняйте и чуть-чуть любите меня.

Утром он открыл кошелек, дал старушке сто крон:

— Купите, бабушка, то, что понадобится для комнаты, но ради меня ничего здесь не меняйте. И еще я хотел узнать, нет ли у вас какой-нибудь одежды, оставшейся после дедушки? Я хочу здесь ходить так, как он хаживал.

Ах как обрадовалась старушка! Не зря хранила одежду зятя — ведь была она словно на Йозефа сшита.

— Позволь, сынок, еще одну рубашу тебе сшить, чтобы была и на воскресенье.

Отдала ему и драгоценное наследство, оставшееся после мужа и хранившееся годами. Узнав, что все сукно было сделано дедом, он бережно погладил ткань, и на его не улыбочивых устах впервые заискрилась улыбка.

Стало быть, досталась ему и рубаша после дяди, которую бабушка сшила из своего полотна, и все необходимое. Когда он переоделся, бабушка даже испугалась — так он стал похож на своего деда. Ну просто вылитый молодой Микула, когда он еще свататься к ней ходил!

В первые дни он бродил по лесу, дошел и до Плешивца, где помогал возчикам носить дрова — дорога у них была плохая. Но вдоволь наглядевшись на этот прекрасный Божий мир, начал осматривать и хату.

— Она такая же дряхлая, как и я, — вздохнула бабушка, — но вместе мы, верно, смогли бы ее сохранить.

— Надо ее отремонтировать, чтобы она держалась вместе с вами. Вы еще моложавы, бабушка.

Она забеспокоилась, что ему захочется вставить новые окна, поскольку он как раз разглядывал их.

— Они маленькие, — сказала она, — ты к таким не привык.

— Не то важно, какого размера окно, а то, что через него видно и какой воздух входит.

Он оставил окна такими, как были, только закрепил новыми петлями. Зато на кухне установил плиту, а ту, что была в горнице, вынес. Вместо нее появилась новая, но по-настоящему старомодная печь — низкая и широкая. А скамью со спинкой он украсил новыми ножками. Потом взялся за крышу.

Зузанка помогала кузену во всех делах. А Йозеф, когда ходил за покупками, всегда приносил что-нибудь сестренке. Однажды, вернувшись с ярмарки, он вручил ей две книжечки: «Читай, а потом расскажешь нам, что там было интересного».

Но прошла целая неделя, прежде чем Зузанка наконец решилась взять книжечку в руки. Был воскресный день. Бабушка ушла в церковь, внук писал письма, а девочка сидела на новой скамейке под яблоней и читала. Но чем больше читала, тем серьезней становилось ее нежное личико.

Наконец из голубых глаз в открытую книгу за-
капали слезы.

— Что ты плачешь, Зузанка? — тут же об-
ратился к ней юноша.

— Ах, здесь все так грустно! — еще сильнее
расплакалась девочка.

Он взял книжечку. На первой странице была
картинка: мужчина в разодранной одежде, с ко-
лотыми ранами на руках и ногах, несет на плечах
маленького, напуганного ягненка.

— Видите, дядюшка (так она называла кузе-
на), здесь написано о том, как он оставил боль-
шое стадо в горах, потому что у него потерялась
одна овечка. Искал он ее и днем, и ночью, но
долго не мог найти — она от него убегала. Пла-
кал он, звал ее: «Овечка моя, овечка!» Изодрал
всю одежду, поранил руки и ноги. Не знаю, что
там дальше было, нашел он ее или нет. Но мне
его так жалко стало, да и эту глупую, дурную
овечку тоже. Я же понимаю: когда какая-нибудь
из наших вот так пропадет, то уже не вернется,
если мы не пойдем ее искать. Почитайте, дя-
дюшка, пожалуйста, а я пойду посмотрю, как бы
утки далеко не уплыли.

Девочка так сильно его просила, что юно-
ша уселся под яблоней. Вокруг него было тихо,

словно в большой церкви. Начал он читать историю доброго пастыря; прочел от начала до конца, опустил голову на ладони и погрузился в свои мысли. «Я знаю, — думал он с горечью, — что здесь речь идет о Христе. Он — добрый Пастырь, а заблудшая овечка — это я. Но что ж тут можно поделать? Тебя, Христе, мне уже не вернуть — ведь Ты меня даже искать не пойдешь».

Отложил он книжку, взял шапку и отправился навстречу бабушке. Они встретились в густых Лазовских зарослях — она сидела на пне и отдыхала. Сел он у ее ног.

— Бабушка, расскажите мне о своей жизни.

— Да что мне, сын мой милый, рассказывать? Вся моя жизнь — как этот ручеек. Господь Бог его пустил, вот он и струился по-всякому и повсюду: и среди людей, и через терновник, и по зеленому пушистому мху, и по острым камням. Но всегда — светило ли солнце радости или шел дождь слез — надо мною было небо. Знаешь, сынок, если держишься Господа Бога и от Него не отрываешься, то и Он никогда не оставит Свое создание. Я часто наблюдала это в лесу, когда ходила по грибы. После сильного ливня цветочки лежат такие прибитые к земле, залепленные грязью, что кажется, их больше

нет, — а спустя несколько дней они опять оживают, поднимаются, цветут... Господь Бог не позволит Своему творению погибнуть. И даже если у дерева обламывается какая-нибудь ветка или отрывается листок — это все лишь из любви. Я — обыкновенный человек, для кого-то глупый, для кого-то умный... Но знаю и чувствую в своем сердце, что Господь Бог все сотворил и сохранил из любви. Не один раз я испытала на себе Его любовь и Его утешение!

— Бабушка, а как было, когда ваш ручеек тек посреди роз? — спросил юноша, глядя на родник, который с шумом сбегал с ближней скалы и продолжал свой путь среди венков из небесно-голубых незабудок и ярко-желтой калужницы в долине. — Это было в те времена, когда вы были еще ребенком и жили со своим батюшкой?

Добрая улыбка засветилась на морщинистом лице пожилой женщины; она погладила внука по густым каштановым волосам.

— Видишь вон там, вокруг ручейка, незабудки? Так цвело и наше детство, которое мы провели с родителями. Хорошо ли было, грустно ли, а человек никогда о нем не забывает, — но в те времена розы еще не расцветают. А начал мой ручеек течь посреди роз, когда однажды я пошла

на ярмарку, повела через Лазы нашу коровушку. И неожиданно встретила там твоего дедушку. Когда я, милое дитя, на тебя смотрю, всегда вспоминаю свою молодость. Как же ты на него похож! Но он не был таким грустным. Он любил посмеяться, потому что в те времена, когда он ходил к нам — пока не привел меня с собой под Плешивец, — и его ручеек тек среди одних роз!

— А потом больше не тек, бабушка?

— Достаточно долго тек, сынок. Слышишь, как поют эти птички? А как им не петь? Сейчас весна, они любят друг друга. Но во время жатвы их пения уже не слышать, хотя они любят друг друга еще больше. Так и у нас было. И нам, слава Богу, всегда жилось неплохо, даже при черством хлебе. С тех пор как у нас этот путь стал общим, мы всем делились друг с другом. Что одного радовало, то радовало и другого, и никогда не огорчался только один из нас. Но это так и должно быть, сынок, для этого Господь Бог сотворил одного человека для другого. Но я все рассказываю и рассказываю... Когда же ты, сынок, начнешь мне рассказывать? Хотя мы так друг к другу привыкли, будто ты рос у нас с незапамятных времен, ты мне еще ни словечком о себе не обмолвился.

— Не спрашивайте меня, бабушка! — Юноша закрыл лицо руками, должно быть, чтобы бабушка не видела его глаз.

Но она знала, что у него болит сердце, и думала, что иногда по такой болячке стоит пройтись словом — все вытечет и наступит облегчение.

— Сын мой, почему бы тебе не рассказать старой женщине? Правильно поется в одной песне:

*Даже шепот выдаст
Эхо на равнине —
Расскажу я лесу
О своей кручине...*

И уста твоей бабушки не сегодня-завтра закроет смерть на десять замков...

— Ах, еще рано, бабушка! — Йозеф стиснул старушкину руку в своих, помолчал немного, а потом решил: — Ну, раз вы хотите, я расскажу вам, что со мной произошло и что я приехал похоронить в родных краях... Вы правы, — юноша глубоко вздохнул, устраиваясь поудобнее у бабушкиных ног, — сказав, что человек не забывает свое детство, хорошим ли оно было или плохим — а мое хорошим не было. У батюшки никогда не хватало времени на нас, детей. Всю

неделю мы видели его лишь за трапезой или ночью. По воскресеньям, разумеется, к нам приходили знакомые или он ходил к ним. Матушка целыми днями только готовила еду, как для нас, так и для постояльцев, да стирала, а нам, детям, что было делать? Мы слонялись по городским улицам и учились всякому злу. Потом я пошел в школу и стал видеть родителей еще реже. Иногда, бабушка, мне так хотелось, чтобы матушка меня погладила или поцеловала, чтобы батюшка немножко со мной поговорил! Временами — это случалось нечасто — они принимались вздыхать по дому и описывать свое детство среди лесов, а я эти слова просто глотал. Еще в детстве я себе сказал: ты должен однажды увидеть эти леса, должен их увидеть! Ах, у нас никогда не было времени любить, хотя мои родители были добры и делали для нас все необходимое. Они мужественно жертвовали собой, чтобы воспитать нас. Все мои братья и сестры уже так или иначе вознаградили их за труды — один я еще нет. Родители очень хотели, чтобы я поскорее стал врачом, но я и сам так много для этого делал, что не было нужды понукать меня, особенно когда я поступил в институт. Америка хороша тем, что там здоровый человек может неплохо зарабо-

тать за короткий срок. Вот и я во время каникул всегда зарабатывал столько, сколько мне нужно было на дальнейшую жизнь. Ну, а когда я уже сдал экзамены и немного поработал по специальности, перед тем как окончательно где-то устроиться, мне хотелось осуществить свою детскую мечту — и вот вы меня видите здесь, у ваших ног. — Юноша замолк.

— Отчего же ты не сказал, сынок, — всплеснула руками старушка, — что учился на доктора? И ты уже умеешь лечить людей?

Юноша улыбнулся:

— Мне уже доводилось добиваться успеха в достаточно тяжелых случаях — этим я себе и на дорогу скопил.

— Недаром мне, сынок, показалось, что ты — настоящий господин. Но как же ты терпишь нашу бедность?

— Поверьте, бабушка, мне еще нигде не было лучше, чем у вас. Еда здесь самая здоровая, вода хорошая, воздух царский, и вы меня любите... Ведь вы меня любите?

— Да как ты можешь об этом спрашивать, сынок? Сам же видишь, чувствуешь, что ты мне дорог, словно собственное дитя!

— Чувствую, бабушка.

Внук положил голову старушке на колени. Только вот о своем горе, терзавшем его до такой степени, что он через океан переплыл, чтобы похоронить его здесь, он не рассказал, а она не решилась напомнить.

— Но раз ты доктор, — продолжила разговор бабушка (ей казалось, что это лучше), — наверное, ты смеялся, когда ко мне приходили женщины за советом, а я давала им кое-какие травы?

— Да не смеялся, а восхищался вами, бабушка! И хотел попросить, чтобы вы и меня научили распознавать травы и их целебную силу.

— С удовольствием, сынок. Человек ведь не знает, что и когда ему может понадобиться. А то, что я распознаю, я уже испытала не раз, и это Божий дар.

— Завтра вы собирались идти за травами — так пойдемте вместе. Но, наверное, пора уже домой, мы оба голодны.

— И то правда, да и Зузанка будет волноваться.

С тех пор бабушка уже не ходила в одиночку на поиски корешков и трав — брала с собой внука. «Человек учится до самой смерти», — радовалась старушка, когда внук показывал ей незнакомые травы и объяснял, какая в них содержится сила,

добрая или злая. А ее рассказы о растениях юноша записывал себе в книжечку и повсюду зарисовывал каждый корешок и каждую былинку. Вернувшись домой, он готовил лекарства и учил бабушку с Зузанкой, чем полезно каждое из них. Из города Йозеф принес пузырьков всех размеров и написал на них, сколько капель нужно употреблять против тех или иных болезней. Он не позволял бабушке говорить селянам о его профессии — она могла лишь намекнуть, что и он умеет помогать больным. Но новость тотчас разнеслась по всем хуторам — люди предавали ее друг другу на ярмарке, делились ею с соседями. Кто-то похвалился, как ему помогло Йозефово лекарство, и начали к нему бегать со всяческими болячками. «Да-да, он все знает, — хвастали женщины. — Едва взглянет на человека, и уже понимает, что с ним не так. А спрашивает, словно какой-нибудь доктор». Еще только начала краснеть земляника, а уже целые процессии ходили под Плешивец.

— Послушай, сынок, ты это неправильно делаешь, — переживала бабушка, — узнают о тебе врачи, наверняка устроят скандал. Почему ты не скажешь людям правды?

— Не бойтесь, бабушка, только позвольте мне остаться. Я лечу даром, а если меня станут допра-

шивать, я покажу свои документы и скажу, что просто хотел помочь землякам во время отпуска. Никто не доставит неприятностей ни мне, ни вам. Но чтобы вы были совсем спокойны — когда мы пойдем в город, я представлюсь тамошним врачам и попрошу, чтобы они не выдавали меня.

Ну, бабушка и перестала переживать. Она видела, что внук возвращается к жизни и все чаще улыбается. Делать людям добро — вот что было лекарством от сердечных болячек.

Зузанка как-то сказала, что ей хотелось бы знать больше, чем она знает, и кузен взял на себя эту заботу. Каждый день он совершенствовал ее навыки в чтении, письме и арифметике. Принес ей учебники, давал задания. Девочка училась охотно, и, хотя она тратила на это всего два часа в день, ее умения быстро развивались и скоро она нагнала упущенное.

Однажды, когда бабушка с внуком шли по лесу — юноша с котомкой за плечами и тляпкой в руке, а старушка только с висевшей на руке связкой грибов, — бабушка вдруг посмотрела на внука, на его красивое, разругавшееся от ходьбы лицо.

— Послушай, Йоженко, а что бы сказали твои товарищи, если б тебя вот так увидели?

— Ничего, бабушка. В Америке, слава Богу, никто не стыдится работы. Они бы сильно удивились, если бы увидели, что вы, пожилой человек, идете с этой ношей, а меня рядом нет. За морем существуют только два разделения: сильные и слабые, богатые и бедные. Там было немало хороших президентов (королей по-нашему), которые достигали такой высоты, будучи в молодости бедняками. И вот еще какое разделение там есть: умные и глупые.

— Ну, все это, однако, есть и у нас, именно поэтому я — старая глупая женщина.

— Я с этим не согласен, бабушка!

— Как же, сынок!

— Нет, не согласен... Вы никогда не были глупы, вы лишь, по людскому суду, малообразованны. Но это не важно — ведь вас жизнь научила очень многому, гораздо большему, нежели человека, наученного по книгам. Кто прожил на земле семьдесят лет и сумел быть счастливым в злые и добрые времена, сделать счастливыми мужа, детей, внуков, — не у таких ли тысячи умных, но несчастных людей должны учиться?!

— Да-да, сынок, большое тебе спасибо. Так меня еще никто не хвалил, даже мой Матей. Скоро ты скажешь, что ходишь ко мне учиться.

— Я могу сказать это с чистой совестью.

— Ну хорошо, сынок. Чему же я могу тебя научить?

— Забыв о себе, жить для других и быть довольным всем, что бы ни случилось.

— Всему этому Господь Бог может научить, Йоженъко. Только зачем тебе забывать о себе? Не расскажешь? Ты недавно в лесу начал было, но не дошел даже до того места, где корень твоей печали.

— Зачем вам это знать, бабушка? Вам я этим пользы не принесу, да и себе не помогу. Что случилось — того не изменишь, а что навсегда потеряно — о том лучше даже не думать.

— А ты, дитя мое милое, думаешь, причем каждый день. Поверь, тебе станет легче, если расскажешь правду своей старенькой бабушке. Иногда, если человеку надо о чем-то поплакать, лучше, когда кто-нибудь другой плачет вместе с ним.

— Ну, тогда садитесь, бабушка, устраивайтесь поудобнее, прежде чем я расскажу вам о причине моего несчастья.

— Знаете, бабушка, — заговорил он спустя какое-то время, когда они уже сидели на бугорке, окруженные широкими словацкими лесами,

хранителями тайн, — с тех пор как я у вас живу и каждый день слышу, что вы постоянно помните Бога и приписываете все одному лишь Его промыслу, глаза мои начинают открываться и я все лучше понимаю главную причину своего несчастья.

— Это хорошо, сынок. Если человек распознает болезнь — значит, уже можно лечить ее.

— Мою может вылечить только Он Один, ибо Его я прогневал.

Юноша опустил голову на руки. В лесу наступила тишина — только слышно было, как недалеко по дереву стучит дятел.

— Слышите эту птицу, бабушка? Так однажды стучал в мое сердце Иисус Христос, но я не хотел Ему открывать. Знаете, бабушка, там, в Америке, очень много безбожия и всего того, над чем вы заплакали бы. Но есть там и немало людей, которые знают Сына Божьего. Только они знают Его иначе, чем вы знаете, и не остаются с этим знанием, но и других приводят ко Христу. Однажды у нас, студентов, было собрание — нас собралось примерно две тысячи человек всех национальностей. Тот, кто пришел призвать нас к покаянию, служил Христу и посвятил этому служению всю свою жизнь. Многие поверили его

проповеди, сложив бремя грехов у Голгофского креста. И я так сделал. Не могу описать вам ту радость, тот глубокий мир, которые овладели тогда моим сердцем. Ничто больше не разделяло меня с Богом. Но затем проповедник призвал нас целиком отдаться Христу; он хотел, чтобы те из нас, кто готов служить Ему всю жизнь, решились в тот же день. Вокруг — впереди и позади меня — вставали многие. Словно раскат грома, отовсюду зазвучало: «Обещаю пойти за Ним, когда бы Он меня ни позвал и куда бы ни повел. Аминь». Внутри у меня похолодело, потому что я не мог этого обещать. — Юноша провел рукой по густым волосам. — Ах, бабушка, и у меня тогда, так же как и у моего дедушки, когда он за вами ухаживал, цвели в сердце розы. Я знал, что девушка, которую я очень любил — больше всего на свете, — не останется со мной, — а мне было лучше умереть, чем потерять ее. И в этом, бабушка, в этом — корень моего несчастья и моей скорби! Я воспротивился Духу Святому, не послушался Господа Иисуса, когда Он призывал меня, — и Он ушел, а с Ним ушли мои радость и покой. Чтобы не слышать угрызений совести, я больше не ходил на подобные собрания. Я вбил себе в голову, что спасусь и без жертвы, что буду служить

Богу возле больных людей. Так и делал, по мере возможности, но покоя мне это не принесло.

Юноша замолчал. В лесу стало совсем тихо, даже дятел успокоился.

— Сынок мой милый, а что случилось с твоей зазнобой? — грустно спросила бабушка; у нее как-то странно сдавило сердце.

— У меня ее больше нет, бабушка.

— Расскажи мне обо всем, Йоженько мой, как это случилось?

— Об этом нетрудно рассказать: она любила другого. Нас ходило двое к ее родителям — она же могла принадлежать только одному. Вначале она обманывала и себя, и меня. Ах, как я был уверен в себе! Получив диплом врача, я сразу пошел спрашивать, пойдет ли она за меня. Но у нее уже на руке было кольцо... Одно меня только радовало: кроме нас двоих, никто ни о чем не знал. Правда, мои родители удивлялись, что это со мной произошло. Я же не мог рассказать им, сказал только, что поеду вслед детской мечте. И вот я у вас, бабушка. Только прошу вас, не спрашивайте меня больше о ней. Забыть ее не могу, любить не смею — она уже жена другого.

— Не бойся, сынок, не спрошу. Ты правильно сделал, что уехал, — ведь здесь у нас ты быст-

рее забудешь. И даже если сегодня тебе это кажется невозможным, милостивый Господь Бог тебе поможет. А не мог бы ты рассказать мне побольше об этом служении Христу? Ты сказал, что они там знают Сына Божьего как-то по-другому. Поверь, сынок, мне смолоду всегда казалось, что я должна Его знать лучше.

— Знаете, бабушка, — юноша погладил руку старушки, — вы, как вас учили, вспоминаете постоянно Отца, верите в Него, любите Его и слушаетесь Его. И знаете, что Он принес за вас в жертву собственного Сына, правда?

— Да, сынок, я верю в то, что Господь Иисус Христос умер за меня и что через Его смерть Он отпустит мне после смерти грехи и поступит со мной согласно Своей святой воле.

— Ну вот, бабушка, так и меня учили верить родители, но этого недостаточно. Мы должны верить не только в Иисуса распятого, но и в Того, Который воскрес и живет с нами день за днем.

— Сынок, но ведь и я верю, что он в третий день воскрес из мертвых!

— А вы верьте так, как если бы Он жил с вами там, в вашем домишке. Я как раз в тот момент осознал, что Он жив, когда пришел к Нему, принес Ему все свои грехи и Он отпустил их мне.

— Он отпустил их тебе? — покачала головой старушка. — Этого я не понимаю... Я ведь уже много раз была у святой исповеди и верила всему тому, что там говорили. Но чтобы я могла по-настоящему сказать, что Он мне уже все отпустил, — этого еще не было.

— Не забывайте, бабушка, что я принадлежу к тем неверным, о которых говорится в этой ужасной песенке: «Несчастливые, которые ради мира сбросили с себя навсегда “ненужность” Христа». Я не могу вам этого хорошо объяснить, но ведь у вас дома есть Библия — я буду вам из нее читать каждый день, и мы отыщем все те места, в которых об этом говорится. Может быть, и я найду для себя какую-нибудь надежду. Ну, пойдемте, нам еще долго идти.

— Твоя правда, но я бы тебя и до ночи слушала.

С того дня в домике у Микуловой Священным Писанием начинали и заканчивали день. Старушка не могла надивиться, когда внук читал ей Божественные истины. «Как же так получилось — у нас в доме была эта священная книга, в ней было столько прекрасного, а мы к ней не обращались?» — часто повторяла она внучке. Зюзанка сидела тихо, словно пушинка, не спуская

глаз с кузена, читал ли он или отвечал на бабушкины вопросы.

Однажды в воскресные сумерки они сидели перед домиком. Солнышко готовилось к закату, и вокруг них была такая торжественная тишина, какой не бывает даже в великолепном храме. Молодой человек держал на коленях открытую Библию. Он смотрел, как золотистые солнечные лучи стелились по лесу, падали на долину и орошали все плавно скользящим светом. В долине звонили колокола к вечерне, а на вырубке возле ручья птицы пели вечернее славословие.

— Дядюшка! — воскликнула Зузанка, которая все не могла привыкнуть называть кузена по имени. — Дядюшка, это как в моей книжечке — и там в небе точно так же звонили, и было такое же пение, когда пастырь нашел свою овечку! Не могли бы вы нам прочесть об этом из Библии?

Он оторвал взгляд от лужайки, полистал, нашел пятнадцатую главу Евангелия от Луки и прочитал: «...кто из вас, имея сто овец и потеряв одну из них, не оставит девяноста девяти в пустыне и не пойдет за пропавшею, пока не найдет ее? А найдя, возьмет ее на плечи свои с радостью и, придя домой, созовет друзей и соседей и скажет им: порадитесь со мною: я нашел мою

пропавшую овцу. Сказываю вам, что так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии»³.

— Сынок, как же это понимать? — вздохнула бабушка.

— Вы же слышали, бабушка! — Юноша смахнул волосы со лба. — У этого пастыря была сотня овец, одна пропала — он оставил девяносто девять благополучных и пошел искать заблудшую. И когда нашел ее, то не наказал, а взял на плечи, принес домой и безгранично радовался, хвалясь перед соседями и друзьями, что нашел свою овечку.

— Это-то я понимаю, а вот весь этот отрывок что означает? Что подразумевал под этим Сын Божий?

— Ах, бабушка, — отозвалась внучка, — ведь пастырь — это Он, Сын Божий, а заблудшие овечки — это мы. Он пришел, чтобы найти и спасти то, что погибло, что у Него пропало.

— И это я понимаю, дети. А того не понимаю, что означает быть пропавшим, и как это Сын Божий ищет и находит человека?

У домика сделалось тихо. Только лес негромко наигрывал свою предзакатную песенку, а вся

природа пела славословия Тому, ради Которого, через Которого и Которым все стало.

— Когда я вчера собирала землянику, — начала вдруг рассказывать девочка, — я подумала о том, что Господь Иисус, Сын Божий, находится повсюду. И что Он и есть тот пастырь, а я вот здесь, на этой вырубке, — та самая заблудшая овечка. Раньше я часто повторяла себе истину, которой вы меня научили: «В доме Отца Моего обителей много. А если бы не так, Я сказал бы вам: Я иду приготовить место вам. И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе, чтобы и вы были, где Я»⁴. Я подумала, что там, куда Он ушел, должно быть очень красиво, и мне стало очень жаль, что я туда не попаду. Я иногда была плохая, иногда вас, бабушка, не слушалась. И мне, дядюшка, стало так страшно! Чтобы утешиться, я достала вашу книжечку. Эта овечка тоже была плохая: она убежала, не послушалась, а тот пастырь все равно пошел ее искать. Я встала на колени и попросила у Него, чтобы Он и меня искал, простил и... — Зузанка остановилась, глядя на лес.

— Зузанка, ведь Он тебя услышал и нашел, Он взял тебя на Свои плечи, правда? — Голос юноши вздрогнул, словно его сердце наполнили и радость, и печаль одновременно.

— Да, дядюшка, я знаю, что Он меня нашел.

Девочка заметила козочку, запутавшуюся в веревке, которой была привязана за ногу к изгороди, и побежала туда. Бабушка, обычно так переживавшая из-за своих животных, казалось, не замечала этого. «Он меня нашел», — слышалось вокруг. Внук не стал мешать ее мыслям, ему и самому было о чем подумать. Ах, и он когда-то был найден, и его нес добрый Пастырь... И он знал, что Иисус его принял, что простил его, что его со Святым Богом больше ничто не разделяет. Здесь и сейчас! Никогда еще великое, вечное осуждение так отчетливо не стояло перед ним, как в эту минуту. «Ведь придет час — ах, вот бы уже сегодня! — когда распятый, воскресший, вознесшийся на небо Иисус придет, как обещал, и заберет Своих овец с Собой. Что тогда будет с тобой, моя душа?»

— Бабушка, не пора ли разжигать огонь? Вы хотели варить суп, — зазвенел голосок Зузанки, выводя и бабушку, и внука из глубокой задумчивости.

— Да, доченька, разведи огонь, я сейчас приду, — ответила бабушка, и, когда девочка скрылась в домике, старые добродушные глаза

словно с жалостью взгляделись в лицо юноши. — Йоженько, ты думаешь, это правда, что Он услышал и принял ее?

— Вы верите, бабушка, что Христос — Бог и что Он вездесущий и всевидящий?

— Верю, сынок.

— Верите, что Он рядом, что слышит нас?

— В это я до сих пор еще не верила или как-то не осознавала этого. Но ведь все творение принадлежит Ему. Я иногда думала, когда светило солнце и роса лежала на лугах, что из чашечек на нас смотрит Божье око. Но где в Священном Писании об этом прямо сказано?

— Ах, бабушка, ведь перед тем как вознестись на небо, Он сказал нам: «Се, Я с вами во все дни до скончания века»⁵.

— Да, ты прав, это там есть, и небо и земля пройдут, а Его слова не пройдут⁶.

Бабушка встала и пошла вслед за внучкой. Но когда они уже полчаса как отдыхали в постели, старушка еще раз попросила внучку рассказать, как добрый Пастырь нашел Свою овечку.

— А ведь вас Он уже давно нашел. Вы всегда были добры, не гневали Его и никогда не грешили. Правда, бабушка? — спросила девочка уже в полусне.

Бабушка не ответила. Она, как это часто случается у пожилых людей, в ту ночь не сомкнула глаз и так и лежала без сна, просматривая перед собой всю свою жизнь. В ней не было больших, режущих глаз грехов. И все же, поставив себя перед Святым Сыном Божьим, подумав о том, что Он все и всегда видел, она вдруг осознала, что значит быть пропавшим. Она поняла, что точно так же, как и внуки, нуждается в том, чтобы Господь Иисус нашел ее, чтобы простил. Ей вспомнились вдруг слова, которые она слышала всякий раз, когда шла к исповеди: «Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды»⁷. Сегодня эти слова дошли до ее сердца, а когда она осознала их духом, то и уверовала в сказанное. Тогда она пошла, помолилась, приняла прощение — и в блаженном чувстве глубокого покоя сон под утро сомкнул глаза старой женщины, которая могла теперь вместе с Симеоном восклицать: «Мои очи увидели спасение Твое!»⁸.

Даже если бы вода убегала только по каплям, по хорошему склону утечет и большая река; и хотя дни текут только по минутам, однажды и эта чудесная весна, и это замечательное лесное

лето прошли. Но они все равно прекрасны, наши словацкие леса, и когда переоденутся в осенние наряды: желто-красные, золотисто-жемчужные, розовато-зеленые, нежные кофейные — ну просто какие хочешь цвета — такой листвой покрывается лес. Осень превратила папоротник в настоящие рощи для нимф и гномов. Пауки напрядли золотых нитей бабьего лета. Звери вместе с людьми запасались на зиму от богатства земли, покрытой разнообразными плодами, — носили в свои жилища все, что по Божьему благословению выросло и созрело в течение года.

И у Микуловых теперь готовились к зиме, и было им так хорошо, как никогда еще не бывало. Йозеф собрал фрукты — Зузанке оставалось только нарезать их, а бабушке — высушить. Да и грибов принесли из лесу множество. Внук не позволял бабушке спускать их в погреб. «Вот увидите, сколько выручите за сушеные».

С тех пор как земля укрыла старого Микулу, у бабушки ни разу не было столько дров, сколько наготовили ей внук и внучка. И овечек, и кроликов, и козочек наплодилось предостаточно. Кроме того, внук привез бабушке теплые тапочки, а двоюродной сестре высокие сапожки, и каждой — по новому платью. Ему это оказалось

совсем не в тягость. В городе заболел старый врач, вынужденный теперь подолгу лежать: он охотно передал молодому коллеге своих пациентов. Среди них были не одни лишь бедняки, которых Йозеф лечил даром, хотя и они приносили бабушке всякой всячины, кто что мог. Целых две недели прошло, прежде чем молодой Микула смог возвратиться в домик. Два раза навещали его в лесу и господа, с которыми он познакомился в городе. Когда он ходил туда, то надевал свою американскую одежду, но его не беспокоило, что во время их посещений он был в том же костюме, в котором колот дрова.

И только бабушка, видя, как он старается обеспечить их всем необходимым, — хотя они никогда об этом между собой не говорили, — понимала: он потому так выкладывается, что скоро уедет.

«Ах, сынок мой милый, как нам жаль! — думала старушка. — Как же мы тут будем без тебя? И ладно бы уезжал счастливый! Нам принес свет, а сам еще блуждаешь в потемках!» Много бабушка молилась за внука, когда еще не знала его, но гораздо больше молилась теперь.

Никогда никто из ее детей не относился к ней с такой любовью, как он. С тех пор как она уве-

ривала, что Господь Иисус ее, старого человека, принял и шаг за шагом ведет все ближе к Богу, что Он постоянно пребывает рядом с ней, — не было на свете человека счастливее ее. Раньше Микулова всегда была спокойна, ибо благодарил Бога и за хорошее, и за плохое, а теперь она стала счастлива. Радость в Боге, с Которым ее ничто не разделяло, сделалась ее силой. Временами ей казалось, что они с Зузанкой жили посреди этой великолепной природы, как в раю. Когда внук уедет, они не останутся в одиночестве, и все равно тяжело думать, что это солнышко в их лесном домике в один прекрасный день померкнет. Однако он не говорил об отъезде, но все чаще получал письма и делался от них очень задумчив.

Стояло чудесное воскресное утро, такое по-осеннему прозрачное и золотое, что весь Божий свет казался наряженным в самую красоту. Бабушка с Зузанкой ушли в церковь, юноша проводил их немного и теперь шагал по словацким лесам совершенно один. Вдруг он остановился, залюбовавшись освещенной солнцем вырубкой, голубовато-фиолетовыми верхушками гор, покрытыми желтоватой зеленью лугами, по которым

тек серебристый ручей. У него защемило сердце. Он знал, что должен все это оставить, что такой свободной и спокойной жизнью, какой он жил в родных лесах, уже нигде в целом огромном свете жить не сможет, что всюду для него будет лишь чужбина. Здесь он находился среди людей Христовых, бескорыстно делая им добро, и любил их, как братьев и сестер. Он испытал многое из того, что испытал Иисус из Назарета, когда пребывал среди людей и ходил по родным холмам и долинам, творя добро.

«Хотя я и смог облегчить им некоторые болезни, лучше бы я навсегда остался среди них. Зимой, когда будет больше времени, учил бы их, как нужно жить, чтобы не умереть по неосторожности. Если бы я сохранил этот простенький образ жизни, мне бы много не понадобилось. Ах, хотя бы один год чистой жизни, жизни только для себя! Разве я, научившись большому, не обязан послужить утопающим в неведении? Да, я бы остался, если бы это пребывание в глуши не несло с собой обманчивых надежд. Ведь иногда мне, как теперь, кажется, что я снова соединился с Христом, что моего греха больше нет. Я снова могу молиться, так как небо уже не заключено. В Слове Божьем я вижу не одни лишь мо-

гилы — в нем столько прекрасных обетований! О, если бы во мне была уверенность, что они все еще предназначены мне! О Господи Иисусе, Сыне Божий, скажи мне одно лишь слово, чтобы я был уверен! Если Ты меня навсегда оттолкнул, уйду отсюда прочь, чтобы не бросать никакой тени на эти прекрасные, обретенные Тобой души... Если же для меня есть надежда вновь, еще раз, вернуться домой — о Сыне Божий, скажи мне лишь одно-единственное слово!»

Над головой паренька шумели ели, возле ног журчал поток из водопада в скалах. Солнце озолотило долины и укутало молодую, склоненную в мольбе голову в слиток света. И посреди непрерывного потока дум за этим светлым челом словно кто-то отворил дверь — и в памяти воскресли хорошо знакомые слова: «Тогда Петр приступил к Нему и сказал: Господи! сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз? Иисус говорит ему: не говорю тебе: до семи раз, но до седмижды семидесяти раз»⁹. Каждое слово, казалось, имело шип и снова и снова кололо его в сердце.

«Так вот что повелел Иисус: семь раз по семьдесят прощать тому, кто просит! — С глаз паренька как будто спадала пелена. — А ведь

Он никогда не говорил того, чего Сам не делал!.. Я же просил Его об этом в последние недели, просил снова и снова. И раз Он повелел прощать Петру, то и Сам меня наверняка принял, и я теперь смею с Ним общаться. Он принадлежит мне, а я — Ему, вновь и навеки».

Худощавая фигура юноши оказалась во мшистых перинах, и его лицо, покрытое слезами благодарности и блаженства, утонуло в них. Святое воскресное утро восходило над миром. Здесь, на земле, плакал человек, но наверху, перед небесным престолом, царило ликование — это ангелы Божьи радовались вместе с Пастырем, Который искал Свою заблудшую овцу и вновь нашел ее. Да, там была радость большая, чем о девяноста девяти заблудших, которым не нужно покаяние.

Когда бабушка с внучкой вернулись из церкви — они задержались до позднего утра на похоронах какой-то женщины, — их уже встречал огонек в печи и все было готово к обеду. Внук по-царски обслуживал бабушку. Она ему рассказывала о том о сем, но при этом от ее стареньких глаз не укрылось, что этот некогда серьезный взгляд светится неповторимым сиянием радости, а неулыбчивые уста наконец смеются.

И потом, когда на закате они по обыкновению сидели перед домиком, юноша взял старушкину руку в свои и признался:

— Бабушка, все болячки залечены, раны исцелены... Он не оттолкнул меня, и теперь я снова обрел душевный покой, потому что меня с Ним уже ничто не разделяет. Да, красивы словацкие леса... И хотя они своими рощами облегчили мне поиск обратного пути к вере, с которого я свернул, все же лекарства для моей души найти не смогли, потому что нету его нигде, кроме как в сердце Иисуса. Теперь, когда Господь Иисус вновь вошел в мое сердце, я перестал быть чужаком на земле и могу благодарить своего небесного Отца и за это прекрасное временное отечество, и за вас, бабушка, за вашу и Зузанкину любовь — за все. Да, теперь я по-настоящему вернулся домой.

— Жаль только, сынок, — вздохнула бабушка, когда прошло первое мгновение великой радости, — раз благой Господь Бог тебя так милостиво утешил и на самом деле похоронил все, что угнетало твою душу, ты, верно, от нас уедешь. Как же мы без тебя будем?

— Вы ошибаетесь, бабушка! Я не уеду до тех пор, пока Господь Бог не позовет меня в какое-нибудь другое место. Но раньше я хочу сам

закрывать вам глаза. Я отдался Ему целиком, в жизни и смерти. Куда бы Он меня ни направил, для чего бы ни предназначил — я на все готов. Но верю, чувствую, что прежде всего Он велит мне нести свет людям здесь, в наших лесах, где сам я родился.

— Нам-то ты его уже принес, милый сынок... Пусть Господь Бог щедро благословит тебя, а нам Его никогда не удастся отблагодарить за все, что ты сделал.

— Дядюшка, и вы будете рассказывать людям о том, что Господь Иисус и есть Тот добрый Пастырь, который пришел искать заблудившихся овечек?

— Да, Зузанка, а также о том, что Он заповедал прощать виновнику семь раз по семьдесят, но прежде всего так поступает Сам. Того, кто заблудился и вновь пришел к Нему, Он не прогоняет, не отсылает прочь. И ни одна заблудшая душа на земле не должна погибнуть, но каждая, как и я, может вернуться домой с чужбины.

(1926)

Примечания

¹ Геллер — разменная монета Чехии и Словакии, равная 1/100 кроны.

² Крейцер — разменная монета Австро-Венгрии до 1892 года, равная 1/100 гульдена.

³ Лк. 15:4—7.

⁴ Ин. 14:2.

⁵ Мф. 28:20.

⁶ См.: Мф. 24:35.

⁷ Ин 1:9.

⁸ См.: Лк. 2:30.

⁹ Мф. 18:22.

Кристина Рой
ВЕРНУЛСЯ ДОМОЙ

Перевод — О. Сакун
Редактор — И. Воробьева
Корректоры — А. Лобанова, Н. Баталова
Художник — В. Хрушева
Компьютерная верстка — А. Кодак

ЛП № 000315 от 30.11.99. Подписано в печать 12.07.04.
Формат 84x108/32. Бумага типографская. Усл. печ. л. ????.
Тираж 5000 экз. Заказ №

МРО «Христианская миссия “Свет на Востоке”»
а/я 201, г. Санкт-Петербург, 190020
Тел./факс: (812) 147-2548
E-mail: post@lio.ru
<http://www.lio.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12